

**ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДИАЛОГ В СОВРЕМЕННОМ
КОММУНИКАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ:
ТОЧКА ЗРЕНИЯ КРИТИЧЕСКОГО ДИСКУРС-АНАЛИЗА**

В статье обосновывается дискурсный характер конфликтности современных публичных коммуникаций и, в частности, общественного диалога. Принципиально несовместимыми в публичном пространстве становятся не столько цели коммуникантов, сколько предметы и цели общественных дискурсов. Автор обосновывает, что необходимость изучения возможностей общественного диалога предполагает анализ не только его интенциональных, структурных и языковых параметров, но и эпистемических структур, которые конституируют одни тексты и исключают другие из масс-медийного пространства. Статья содержит описание основных задач, направлений и ограничений критического дискурс-анализа в оценке общественного диалога.

E. Kozhemyakin

The article considers the discursive character of conflicts in contemporary public communications and specifically in social dialogues. What become incoherent in public communications are not so much communicants' aims as ontology and teleology of social discourses. The author reasons the need for analysis of not merely intentional, structural and linguistic features of social dialogue but also its epistemic structures. The latest construct certain texts and exclude others from mass media field. The article describes goals, advantages and constraints of critical discourse analysis for social dialogue studies.

Сегодня принято полагать, что современное общество впервые за человеческую историю создало условия для ведения беспрецедентно свободного общественного диалога. В качестве обоснования этого положения обычно принято обращаться к количественным показателям развития информационной культуры: масштабам распространения средств коммуникации, объёмам и интенсивности информационных потоков, количеству участников глобальных коммуникационных процессов и т.п. Эти же количественные показатели часто используются в качестве индикаторов эффективности общественного диалога. Так, согласно этой логике, чем больше людей зарегистрировано в социальных сетях или имеет доступ к Интернету, тем интенсивнее проходит общественный диалог. Ча-

сто считается, что свободная, быстрая и неискаженная передача информации от коммуникатора к массовому адресату свидетельствует об успешности социальной коммуникации. В то же время такой «информационно-механистический» подход, к сожалению, не позволяет в полной мере оценить качество публичных дискуссий, а также их культурную и социальную обусловленность.

В 1962 году Маршалл Маклюэн, развивая идею Алекса Инкельса [1] о том, что общественное мнение и общественный диалог в России строго детерминированы устным типом культуры, предположил, что характерный для этого типа культуры синтез «вербального мышления» и «действия» является существенным ограничителем свободы самовыражения [2]. В словесно ориентированной культуре, по мнению Инкельса и Маклюэна, принято видеть непосредственную взаимозависимость между вербальным (дискурсным) и поведенческим планами: то, что произнесено, имеет все шансы быть воплощенным в действиях индивидов. В то же время письменные культуры Запада, напротив, закрепляют зону социальных ограничений и оценок исключительно за поведенческим планом и «освобождая» план самовыражения. Свобода дискурса мыслится как ценность, а его содержание не подлежит нормативной оценке. Соответственно, в словесно ориентированных культурах, какой является, по мнению Маклюэна, культура России, контроль над повесткой дня публичного диалога является одним из условий социокультурного порядка.

Не акцентируя внимание на особенностях критической ревизии культурологической концепции Маклюэна, обратимся к одному существенному моменту, который он и Инкельс выделяли при описании несоответствий в характеристиках публичного диалога в различных коммуникационных культурах. Они определяют три основных параметра, в соответствии с которыми становится возможным общественный диалог: *доступ к средствам коммуникации, свобода самовыражения и результаты использования средств коммуникации*. В равной степени ограничение одного из этих параметров коммуникации приводит к барьерам в осуществлении полноценного публичного диалога или же, напротив, является индикатором уже существующего социального неравенства. Далее мы обратим внимание на то, что эти процессы детерминированы не только культурой, как полагали Инкельс и Маклюэн, но и дискурсом как социальным феноменом.

Такие характеристики современной системы коммуникации, как открытый доступ к (преимущественно цифровым) средствам

коммуникации, возможность контролировать результаты коммуникации и, главным образом, свобода самовыражения в публичной сфере, безусловно, свидетельствуют о коренных преобразованиях в современных процессах массовой коммуникации. Однако тенденции открытости и демократизации коммуникационного пространства не следует абсолютизировать:

- доступ к средствам коммуникации стал более открытым, но при этом далеко не всегда приходится говорить о качественном изменении в «культуре пользования» медиа;

- появились широкие возможности для самовыражения, но беспрецедентная полифония значительно затруднила как применение единых стандартов к медиаконтенту, так и возможность быть услышанным;

- контроль над результатами использования средств коммуникации реализуется на демократичной основе, но сами результаты стали оцениваться по различным аксиологическим и прагматическим шкалам. С распространением сетевой коммуникационной модели ослабевает внешняя (институциональная) регуляция, но это зачастую сопровождается ростом внутренних ограничителей в форме модерации, механизмов групповой идентификации коммуникантов, прямой оценки коммуникативных действий реципиентами, систем поиска информации и т.п.

Доступ к медиа, свобода выражения и возможность контролировать результаты коммуникации демократизируют социальную коммуникацию, но устанавливают новые – дискурсные – барьеры общественного диалога и новый – дискурсный – характер конфликтности коммуникации.

Дискурсный конфликт определяется не столько как столкновение различных обоснованных точек зрения, ценностей и интересов, сколько как рассогласование между общественно значимыми дискурсами, при котором принципиально несовместимыми оказываются их предметы и цели. Дискурсанты могут реализовывать идеалы общественной коммуникации «по Хабермасу» (рационализировать свои позиции и мнения оппонентов, стремиться к расширенной интерпретации высказываний и т.д.), но при этом часто имеют различное представление об обсуждаемом предмете, или преследовать различные цели коммуникации – и, соответственно, блокировать диалог. В современном публичном пространстве мы сталкиваемся со значительным количеством примеров этого.

Так, система референций концепта «демократия» может существенно различаться у различных дискурсантов в зависимости от

их институциональной (например, политики и ученые) и культурной (например, представители коллективистских и индивидуалистских культур) принадлежности.

Известны значительные расхождения в содержании понятия «право» в политическом, юридическом и бытовом дискурсах, при том, что в публичной сфере ни одно из прочтений этого понятия не доминирует, а, напротив, наблюдается мозаичная форма их использования.

Традиционно тупиковыми оказываются дискуссии между представителями церкви и науки, когда предметом обсуждения становятся нравственные вопросы. «Этизация», «самозамыкание» в религиозном дискурсе концепта «нравственность», при котором его референтом становится еще более оценочный предмет, нежели его вторичные означаемые, принципиально противоречит его «оценочному размыканию» в научном дискурсе, позволяющем увидеть в концепте не более чем «чистую» эпистему.

При очевидных совпадениях в интересах, тем не менее, наблюдается интенсивный по масштабу и силе дискурсный конфликт между политическими и юридическими коммуникантами, журналистами и PR-специалистами, творческими элитами и профессиональными экспертами.

Наиболее серьезными по своему результату являются те конфликты, которые основаны именно на рациональном, осознанном использовании несовместимых целей дискурсной практики, в частности, цели воздействия и цели познания или цели конструирования реальности и цели описания.

Итак, обеспечение доступа к медиа, свободы самовыражения и контроля над результатами коммуникации в современном медиатизированном и информационно открытом мире не всегда предполагает осуществление конструктивного общественного диалога. Помимо сугубо социальных и политических регуляторов публичных дискуссий, крайне важными становятся дискурсные регуляторы. В этом отношении интересными являются некоторые положения и принципы *критического дискурс-анализа*, выработавшего достаточно оригинальный взгляд на проблемы общественного диалога.

Поясним, что дискурс-анализ в целом направлен на изучение не столько внутреннего содержания текста, сколько связи контента с условиями (культурными и социальными, историческими и идеологическими, когнитивными и коммуникативными) порождения медийных текстов, а также стратегий легитимации определенного знания, транслируемого с помощью медиатекстов ([4]; [5]; [6]). В од-

них случаях знание становится легитимным, поскольку озвучивается официальными лицами, в других – поскольку транслируется по высокорейтинговым каналам, в третьих – в силу того, что оно особым образом логически или лингвистически оформлено.

Применение дискурс-анализа к изучению общественного диалога предполагает постановку следующих важнейших вопросов: «какое базовое допущение (ценность, фоновое знание) лежит в основе публичного обсуждения?»; «как использованные языковые, жанровые, стилистические средства создают определенный тип знания и как они способствуют расстановке смысловых акцентов в общественном диалоге?»; «что определяет способы интерпретации высказываний коммуникантов?»; «как конструируется реальность в общественной дискуссии?»; «инициирует ли диалог социальные изменения или он отражает социальные процессы?».

«Формат» коммуникационного канала, доступ к средствам коммуникации, представления об аудитории, возможность обратной связи, идеологическая и прочая цензура, политика и традиции редакции, общественная «повестка дня», степень признания журналиста, представления автора об используемых жанрах – всё это является, говоря терминами М. Фуко, «регулятивами высказываний», правилами и ограничениями медийных текстов и условиями воспроизводства определенных смыслов в общественном диалоге.

Критический дискурс-анализ (КДА) как одно из наиболее последовательных и в некотором смысле бескомпромиссных направлений дискурс-анализа строится на трактовке знания (в том числе транслируемого и конструируемого с помощью масс-медиа) в терминах власти ([7]; [8]; [9]; [10]). КДА предполагает обнаружение и критику отношений доминирования и подчинения, которые отражаются и закрепляются в общественном (публичном) дискурсе и продуцируются им. В ряде теорий дискурсные отношения (в частности, медийные дискурсные практики) интерпретируются не просто как практики, опосредованные языком, но как властные процессы, эффектом которых является «производство субъекта», «производство реальности» и управление ими.

В таком понимании в ходе широкого общественного взаимодействия имеют место не просто обмен мнениями и выработка взаимовыгодных решений, но и формирование наших идентичностей, легитимация привилегированного или, наоборот, репрессивного или маргинального положения социальных групп и реализация власти «элитарных групп». С точки зрения КДА, власть в эпоху «интерактивности, открытости и мультимедийности» избегает использова-

ния вертикальных репрессивных механизмов, предпочитая более гибкие технологии дискурсного конструирования «выгодной» реальности. В этой трактовке общественный диалог лишь при самом общем взгляде может трактоваться как общественное благо; при более глубоком рассмотрении он всё чаще оказывается властным инструментом.

Во многих работах (например, [3]) признается, что сами коммуникативные события «программируют» структуру и динамику развития глобальных институциональных структур: то, как представляется действительность в масс-медиа, в значительной степени влияет на экономические, политические и прочие процессы. Так, интенсивное обсуждение в массмедиа новостей криминального характера будет культивировать заботу людей о собственной безопасности, а значит, повлияет на принятие правоохранительными органами определенных антикриминальных решений и действий, направленных на поддержку общественной безопасности. Или, как показал Нико Карпентье, предоставление в американских масс-медиа большего объема эфирного времени военным в ходе освещения «иракской кампании» привело к увеличению доли милитаристских публичных заявлений, а соответственно – легитимировало военные действия и способствовало интенсивному развитию военной операции [11]. В этом случае действовало «фоновое правило»: военная операция проводится военными, а значит, они наиболее компетентны в освещении не только хода военной операции, но и способов нормализации конфликта. Базовая эпистема в данном случае – «субъект действия есть субъект истины», «тот, кто совершает действие, знает о нем все». Независимые очевидцы или, тем более, другая сторона конфликта незначительно были или практически не были представлены в публичном пространстве, поскольку действовало то же эпистемическое правило: «свидетель не участвует в действиях, а значит, может ошибаться», а «противник – это тот, кого пытаются привести к норме, следовательно, он может высказывать не-нормальное (т. е. необъективное) знание».

Современная информатизированная и технологизированная система массовых коммуникаций формулирует новые вызовы перед КДА и дискурс-анализом в целом [6]. Еще двадцать лет назад критика воспроизводства несправедливого социального порядка в массовой коммуникации и в том числе в журналистике состояла преимущественно в обнаружении несправедливо распределенного доступа к информации и «права голоса» в публичном пространстве. КДА был направлен на выявление репрессивных стратегий в от-

ношении одних из ключевых ценностей журналистики – свободы слова и права на доступ к информации. Сейчас, когда интернет-пространство делает возможным получить практически любую информацию в любом количестве и предоставляет возможность высказаться любому пользователю сети, КДА ориентирован преимущественно на «вскрытие» социально-экономических оснований преобразования информации в знание. Это не говорит о том, что в рамках КДА свобода слова и доступ к информации перестали рассматриваться как важнейшие ценности журналистики; скорее, не менее важными ценностями становятся также и другие, например, свобода интерпретации. Иными словами, критический подход к изучению общественного диалога и публичных дискуссий предполагает сегодня обнаружение латентных механизмов, делающих возможной одну интерпретацию и исключающих другую.

По мнению Ф. Джеймисона, те, кто сегодня контролирует СМИ, отнюдь не искажают картину действительности – они её «категоризируют, сегментизируют, легитимируют и присваивают» [12]. Соответственно, целью КДА является не столько выявить преднамеренные фактологические искажения и «обличить лжецов», а обнаружить идеологическую логику работы с действительностью, определить способы категоризации, упорядочивания, «оправдания» и одностороннего описания действительности. Так, даже если каждое из сообщений в новостном блоке соответствует объективному положению дел и не вводит аудиторию в заблуждение, предметом критического анализа может стать последовательность новостей или их чередование, что, с точки зрения КДА, нацелено на моделирование определенной иерархии общественных событий в сознании аудитории (например, новости политики – новости социальной сферы – новости культуры – новости спорта) (например, [13]). Или, как показывает А. Среберни, традиционное использование карт мира, на которых, как известно, северные страны («колонизаторы», «центры глобализации») расположены в верхней части, а южные («колонизируемые», «источники ресурсов») – в нижней, также закрепляет в общественном дискурсе представление об особым образом иерархизированном мире [14]. При этом, конечно же, нельзя сказать, что такая репрезентация (равно как и противоположная – «юг наверху, а север внизу») искажает действительное положение дел. В этом случае можно лишь говорить о своеобразной конвенции в предъявлении мира, о легитимированном способе изображения взаимного расположения (а значит и взаимоотношений) государств мира.

У критического дискурс-анализа есть свои ограничения. Главное из них заключается в том, что КДА часто сам становится объектом критики по причине его политической и социальной ангажированности [15]. Его «презумпция несправедливости в масс-медиа» в некоторой степени блокирует более объективный взгляд на социальное функционирование журналистики, заставляя его представителей всегда исходить из идеи о персонализированном или абстрактном присутствии власти в медийных текстах, и, как следствие, результат исследования практически во всех случаях становится предсказуемым и предопределенным с самого начала исследования. Видимо, свою максимальную эффективность КДА обнаруживает при изучении явных нарушений гражданских прав и свобод, а также при исследовании публичного политического дискурса, и минимальную – при исследовании нейтральных журналистских материалов.

Решение проблемы дискурсных барьеров общественного диалога не является однозначным. Очевидно, что обеспечение конструктивных публичных дискуссий начинается с обеспечения открытого доступа к публичным площадкам. Однако не в меньшей степени важны такие условия, в которых коммуниканты стремятся к единообразному представлению о предмете обсуждения и не взаимосоключающим целеполаганиям. Это чаще всего происходит, например:

- в локализованных дискурсных практиках, пространство которых ограничено достаточно узкой зоной интересов коммуникантов;
- на площадках общественного диалога, где устанавливаются общие (например, состязательные или, напротив, кооперационные) «правила игры»;
- в условиях высокой интерактивности и гипертекстуальности общественной коммуникации, при которых расширяется и уточняется поле референций предметов дискуссий и блокируется авторитарное определение действительности коммуникатором.

Литература

1. Inkeles, A. Public opinion in Russia / A. Inkeles. – Cambridge: Harv. Univ. Press, 1950.
2. Маклюэн, М. Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего / М. Маклюэн. – СПб.: Академический проект, 2005.
3. Matheson, D. Media discourse: analyzing media texts / D. Matheson. – L.: Open University Press, 2005.
4. Короченский, А.П. «Пятая власть»? Феномен медиакритики в контексте информационного рынка / А. П. Короченский. – Ростов н/Д., 2002.

5. Dijk, T.A. van. *Discourse and Power* / T. A. van Dijk. – NY: Routledge, 2008.
6. Torfing, J. *Discourse theory: achievements, arguments and challenges* / J. Torfing // *Discourse theory in European politics. Identity, policy and governance*. – L.: Palgrave Macmillan, 2005.
7. Fairclough, N. *Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language (Language in Social Life)* / N. Fairclough. – L., 1995.
8. Taylor, P.A., Harris, J.L. *Critical theories of mass-media: then and now* / P. A. Taylor, J. L. Harris. – L.: Open University Press, 2008.
9. Wodak, R. *Critical linguistics and critical discourse analysis* / R. Wodak // *Handbook of pragmatics*. – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamin's publications Co., 1994.
10. Wodak, R., Meyer, M. *Methods of Critical Discourse Analysis* / R. Wodak, M. Meyer. – L., 2002.
11. Carpentier, N. *Dichotomized Media Discourse of The War: The Construction of the Self and the Enemy in the 2003 Iraq War* // N. Carpentier and E. Spinoy (Eds.) *Discourse Theory and Cultural Analysis: Media, Arts, Literature*. – New Jersey: Hampton Press, 2008. – P. 29–55.
12. Jameson, F. *Postmodernism, or Cultural Logic of Late Capitalism* / F. Jameson. – Durham: Duke Univ. Press, 2005.
13. Dijk, T.A. van. *News Schemata* / T. A. van Dijk // Greenbaum & Cooper, (Eds.) *Studying Writing. Linguistic approaches*. – Beverly Hills, CA: Sage, 1986. – Pp. 155–186.
14. Sreberny, A. *Maps and Mandalas, Division and Multiplication. Media And Global Divides* / A. Sreberny // *Nordicom Review. Media and Global Divides. IAMCR World Congress*. – Vol. 30. – 2009. – June. – Goteborg, 2009. – P. 39–56.
15. Переверзев, Е.В. Критика КДА: некоторые ограничения критического дискурс-анализа как научного подхода / Е. В. Переверзев // *Современный дискурс-анализ*. – № 1. – Т. 1. – 2009 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://discourseanalysis.org/st7.html>. – Дата доступа: 31.08.2012.